

С. М. Климова³**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОИ–ЧУЖИЕ»
В АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Существует мнение о наших особенных проблемах в системе высшего образования (далее — ВО), возникших в связи с распадом СССР, мировым кризисом, глобализацией, переходом на рыночные отношения и т. д.⁴ Это, безусловно, верно, и «российская модель образования должна основываться именно

на российских реалиях: культуре, институтах (в той их части, которая поддерживается массовым поведением людей и организаций) и ресурсах»⁵. Но зачастую это лишь общие фразы идеологов реформы высшего образования, которые не только не стремятся сохранять национальную культурную идентичность, но и не в состоянии это сделать в силу противоречия данного посыла самой сути реформы, нацеленной на глобализацию, интернационализацию и маркетинговизацию данного процесса. Трудно найти официальный документ, в котором был бы всерьез прописан национальный компонент, логически обоснованно доказано, *зачем и почему* мы должны ориентироваться на ту или иную (западную, восточную или американскую) модель образования, непременно и срочно войти в мировой рейтинг лучших вузов мира, читать

³ Профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Философско-эпистолярный диалог Льва Толстого и Николая Страхова», «Эссенция и экзистенция любви: “Дух” и “Запах” (“Sophia” Вл. Соловьева и “Парфюмер” П. Зюскинда)», «Агиографические элементы романа Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”», «Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина», «Феноменология святости и страстности в русской философии культуры» и др.

⁴ Дружилов С. А. Реформа высшего образования в России: отрицательный вектор // Человек. 2013. № 5. С. 50–60.

⁵ Российское образование–2020: модель образования для инновационной экономики / А. Е. Волков [и др.] // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 33.

лекции по-английски и печататься на английском языке в высокорейтинговых западных журналах¹.

Попытаемся самостоятельно ответить на эти вопросы, обратившись мировому опыту: ибо в основе очень многих реформ ВО лежит, как правило, ясно сформулированная «национальная идея», отражающая идеологические амбиции государства и вузов, удачно балансирующих между глобализацией и собственной культурной автономией и национальной идентичностью. При этом для стран, на которые мы сегодня ориентируемся (США и страны Евросоюза), идея реформирования весьма прозрачна — стать *мировыми лидерами* в области образования (и не только) и диктовать свои образцы остальным.

Итак, возможно, наша цель — также встать в один ряд с лидерами и даже обогнать их в стремлении быть лучшими и наиболее успешными в мировом экономическом, политическом и культурном пространствах. Глобализация никому не оставила шанса сохранить и законсервировать свою систему. Но есть разные подходы и способы решения проблемы; можно осуществлять крутую ломку своих традиционных институций, а можно плавно и «мягко» производить переход на новые рельсы в жизни страны и в системе образования, учитывая ее реалии, менталитет и «разрывы» (gaps), из которых на сегодняшний день наиболее очевидными стали следующие: *межпоколенческий* — разрыв между младшим и старшим поколениями профессорско-преподавательского состава (далее — ППС); дисциплинарный — разрыв между жесткими и мягкими дисциплинами и перцептивный — разрыв, который более правомерно назвать ментальным, определяющим отношение и степень переживания ППС происходящих реформ. Все три тесно связаны друг с другом, и именно они во многом определяют ситуацию «своих–чужих» в реформе высшего образования в России.

Базовым основанием разрывов следует считать не *нашу* «вековую» отсталость от *них*, не отсутствие достойного финансирования, не наше необдуманное желание форсированного вхождения в глобализационные процессы и маркетизацию ВО, но реальное противоречие между действиями людей (планирование и реализация пунктов реформирования системы) и их ментальным восприятием у разных поколений ППС, которое выступает «последствием» этих действий и наглядно репрезентируется в ситуации перехода в транзиторных² обществах, каковым является Россия на сегодняшний день.

¹ Как данность все эти требования прописаны в указе № 559 от 7 мая 2012 года и Госпрограмме «Развитие образования до 2020 года». К этому времени 5–15 крупнейших исследовательских университетов с компактными кампусами, обеспечивающими международные стандарты для студентов и профессорско-преподавательского состава, войдут в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов; а уже к 2015 году доля публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science) вырастет до 2,44 %.

² Kuzio T. Transition in post-communist states: Triple or quadruple? // Politics. 2001. № 21 (3). P. 168–177. Возможно, наши политики и экономисты определяют происходящие процессы по-другому, тогда им будет больше по душе выражение “path-dependent” — «курс зависимости», введенный Д. Старком

Не имея возможности всестороннего анализа происходящих процессов и их последствий, остановимся на латентном противостоянии и разрыве ментального характера между двумя поколениями ППС, который выявляет и обостряет кризис в академической среде. Одно назовем «Поколение мы» (с условной возрастной вилкой 45–65 лет), другое — “Generation me” (поколение 35–45-летних молодых)³. «Мы» — это поколение советских («из бывших», как говаривали когда-то) интеллигентов, которые, несмотря на активную борьбу государства со своим коллективистским социалистическим прошлым, продолжают придерживаться идеалов «общественного блага», верить в наличие фундаментальных (метафизических) смыслов и ценностей, определяющих не только их собственную жизнедеятельность, но и целенаправленную содержательность государственного менеджмента, исполнять долг и иметь нравственные обязательства перед вузом и своими «учениками».

Происходящие реформы, однако, строятся на совершенно другом идеологическом и ценностном фундаменте, носителями нового дискурса реформ ВО стало поколение “Generation me”, призванное не только скорейшим образом расправиться с прошлым образованием, но и с прошлым «Поколением мы», его способом мышления и дискурсом. Для современных реформаторов личность как цель не существует прежде всего дискурсивно; в их глоссарии нет понятий служения, любви к Родине и прочей «советской риторики», но есть такие языковые единицы, как «поставщики и потребители услуг», «консультанты», «креативщики», «проектировщики», «многообразные рыночные категории в образовании», «инвестиции в человеческий капитал» и соответственно рыночно-ориентированные идейные клише в обсуждении реформирования и состояния ВО. Именно это поколение олицетворяет новый общественный менеджмент (NPM), возглавляет современные реформы высшего образования и является главным оплотом и надеждой к их «успешному внедрению».

Безусловно, данная межпоколенческая оппозиция — не вульгарно мифологическое «мы–они»; она внутри пористая и разнообразная. Так, «Поколение мы» делится на традиционалистов и прогрессистов, на локально и глобально-информированных исследователей и т. п. Данная типология, как и любая другая, схематична, но есть признак, по которому мы можем четко уловить межпоколенческий разрыв: это быть *своим* или *чужим* реформе ВО.

Дальнейший анализ будет построен на выстраивании данной оппозиции в отношении базовых положений реформы и отношения к ней со стороны «Поколения мы» и “Generation me”.

в 1992 году (Stark D. Path dependence and privatization strategies in East Central Europe // East European Politics and Societies. 1992. № 6. P. 17–51).

³ Добавлю, что представленная дифференциация поколений не имеет строго демографически-социологического обоснования, оно скорее социально-культурное и гражданственное.